

РЕЦЕНЗИИ

УДК 821.161.1.09

DOI: 10.17223/24099554/16/17

В.С. Киселев

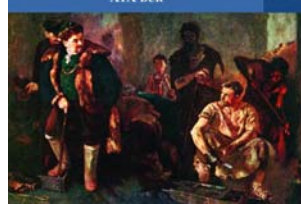
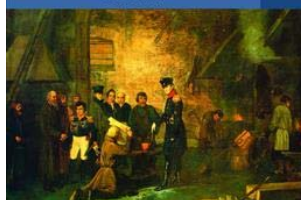
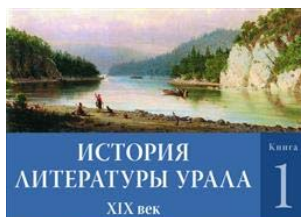
РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ КАК ОБЪЕКТ И КОНСТРУКТ

(Рецензия на книгу: История литературы Урала. XIX век : в 2 кн. / под ред. проф. Е.К. Созиной. М. : Издательский дом ЯСК, 2021, 1440 с.)

Рассматривается исследовательская концепция новой академической «Истории литературы Урала». Акцентируется внимание на оригинальных методологических подходах к конструированию литературной истории региона XIX в.: на отношении к общерусскому литературному процессу, моделировании историко-географической динамики, учете многонациональности и типов литературных систем (фольклор, средневековая словесность, литература новоевропейского типа).

Ключевые слова: история русской литературы, литературы народов Российской Федерации, литература Урала, региональный литературный процесс

Создание любой истории литературы в современных условиях вынуждено учитывать опыт двух конкурирующих методологий – детерминистской и конструктивистской. Для первой литературный

процесс в национальном, региональном или локальном масштабе мыслится как эмпирическая данность, связанная цепочкой преемственности в историческом плане и взаимодействиями акторов литературного поля в плане синхронном. Эту эмпирику и ее внутренние связи достаточно квалифицированно выявить и описать. Для второй единство литературного процесса представляется проблемой и его реконструкция зависит от исследовательской позиции, установки которой необходимо эксплицировать и делать объектом рефлексии. Обе методологии, однако, сходятся в том, что любая история есть форма передачи коллективной памяти о прошлом, но пишется она с целью подтвердить ее ценность и объединяющую силу для настоящего.

Создание академической «Истории литературы Урала» дает уникальную возможность заглянуть в лабораторию подобного конструирования и оценить результаты работы. Научное осмысление литературного материала, как-либо связанного с регионом, велось давно и плодотворно, но целостная его литературная история рождается на наших глазах впервые. Первым актом этого процесса была «История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в.», которую нам уже доводилось рецензировать [1]. Ее презумпцией выступило признание точности, очагового характера местной культуры, что позволяло объединять отдельные литературные явления метонимически, концептуальным же предметом наблюдения являлась русская экспансия, привносившая в регион новый литературный опыт.

Для XIX в. такая исследовательская конструкция уже теряет актуальность, поскольку Урал перестает быть зоной фронта и все более интегрируется в культурное пространство империи. Между тем не возникает в регионе и общего литературного процесса: как свидетельствует огромный собранный авторами «Истории литературы Урала. XIX век» [2] материал, относящийся к различным уровням литературы, ее социальному бытованию, к периодической печати, театру, национальным словесностям, литературная жизнь продолжает оставаться очаговой, не связанной в единое целое. Это поставило перед редакционной коллегией чрезвычайно сложную задачу поиска концептуальных скреп, превращая описание своего объекта в его конструирование. И подобная сложность была вполне отрефлексирована: «Собирая культурное единство региона и таким образом следуя по ступеням формирования и развития его идентичности, –

констатируют К.В. Анисимов и Е.К. Созина, – авторам тома пришлось исходить из ряда оснований» [2. С. 29].

Гетерогенность конструкции, соседство разных оснований в выделении материала и его концептуализации, – очевидно, неизбежное явление в обобщающих трудах отечественной литературной регионалистики современного периода, особенно в столь масштабных по поставленным задачам. Две огромные книги альбомного формата, в совокупности составляющие почти полторы тысячи страниц и созданные коллективом из 58 чрезвычайно квалифицированных авторов в течение 10 лет, самым своим обликом и весом обнаруживают заявку на фундаментальность и всеохватность.

Если попытаться объяснить, что является итоговой точкой сборки этого универсального материала, тем ценностным посылом, который, согласно интенциям редакторов, должен организовывать коллективную память, то, вероятно, им будет весьма простая мысль: место проживания, Урал, заряжено интегрирующей силой. В первом томе подобная роль отводилась русской экспансии, во втором ее влияние отмечается лишь в главах, посвященных национальным литературам региона (башкирской, коми, удмуртской). Тем самым, лишаясь привязки к конкретным акторам и историческим процессам, интегрирующая власть Урала предстает самостоятельной метафизической субстанцией: «...объединяющую же роль в литературной истории региона способно выполнять само слово “Урал”, выступающее в значении геоконцепта» [2. С. 29], именно оно вмещает «тот сгусток ценностей, который образует и создает духовное своеобразие региона» [2. С. 32].

Приходится согласиться с тем, что в опыте создания разнообразных историй литератур модели описания гетерогенного как гетерогенного проработаны очевидно недостаточно, хотя потребность в подобном центростремительном видении весьма высока. Она ощущается и в сопротивлении материала, которое вынуждены были осмысливать и преодолевать создатели «Истории литературы Урала», наметившие целый ряд плодотворных методологических ходов.

Прежде всего это касается динамики литературных центров. Пространство Большого Урала очерчено в монографии очень широко – от Пермского края до сибирского Зауралья. Неоднократно персонажами книги становятся и писатели, которых одновременно литературоведческая традиция причисляет к сибирской словесности (Е.Л. Милькеев,

П.П. Ершов, Н.И. Наумов и др.). Свое место в этой панораме занимают и авторы, связанные с Уралом лишь в определенные периоды биографии и стремившиеся занять свое место в первую очередь в столичной литературной жизни (Ф.М. Решетников, Н.Г. Гарин-Михайловский, Д.Н. Мамин-Сибиряк и др.), а также многочисленные создатели уральских травелогов, принадлежащие в основном к литературе метрополии и писавшие свои очерки для общероссийской аудитории.

Единственный параметр, который обеспечивает органичное объединение центров литературной жизни (Оренбург, Пермь, Екатеринбург), – институциональный, подразумевающий наличие местных каналов регулярной коммуникации: подключение к ним определяет принадлежность автора к литературе Урала и степень его интегрированности в нее. В этом смысле показательно концептуальное различие первой и второй книг рецензируемого труда: в первой, оboзревающей материал 1800–1850-х гг., институциональный аспект отсутствует, в результате чего основным объединительным принципом продолжает оставаться метонимический, допускающий обращение к творчеству любого автора, как-либо связанного с регионом в плане тематики или биографии; во второй книге (1860–1890-е гг.) массивные усилия прилагаются как раз к выявлению и описанию местных каналов литературной коммуникации, что позволяет дифференцированно оценить собственно уральский компонент в деятельности широкого ряда писателей. Этот тщательный сбор материала, относящегося к социологии литературы – практикам чтения, бесплатным и платным библиотекам, книжной торговле, появлению и функционированию первых региональных газет, а также театру, обеспечивает прочный фундамент для понимания специфики местной культурной жизни, где художественная литература оказывается востребована еще в небольших объемах, что и определяет устремление уральских писателей в столицу – даже при очевидной приверженности Уралу и уральской словесности. Подобные тенденции нам уже приходилось отмечать, говоря об особенностях литературной жизни в других регионах, в частности в Сибири и Томске [3]. Продолжая это сравнение, можно заметить, что, например, в Томске в последней трети XIX в. специфика литературного процесса определялась популярными газетами, широко открывавшими свои страницы для художественных произведений, – на Урале ни один из институтов, вклю-

чая газеты, не смог стать такой интегрирующей площадкой, что и определило сугубо очаговый характер бытования словесности.

Особую проблему в этом плане составляет синхронизация линии развития русской литературы региона и эволюции башкирской, коми и удмуртской словесности. Последние находились на разных стадиях: башкирская в течение XIX в. постепенно трансформировалась из религиозно-средневековой в более светскую и социально-проблемную, коми и удмуртская переживали этап становления письменной традиции, интенсивно осваивая новый опыт. К сожалению, в разделах, посвященных национальным литературам Урала, аспект двустороннего обмена (в том числе гибридизации) оказался не акцентированным особо, что определило анклавность этого материала: существуя в одном пространстве, где порой действовали одни и те же лица, башкирская (в особенности как связанная с исламом и бытующая на тюркском, арабском и персидском языках), коми, удмуртская и русская словесность функционируют и, соответственно, описываются как разные системы. В этом плане, безусловно, важнейшим дополнением к академической «Истории литературы Урала» должна служить коллективная монография «Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности» [4], где, на наш взгляд, институциональное и художественное взаимодействие коми, удмуртской и русской литератур выявлено очень наглядно. Сами векторы переноса литературного опыта – через каналы просвещения, школьные и университетские (с особой ролью Казанского университета), через академический дискурс, через переводы, через ученых и документально-художественные травелоги – намечены в «Истории литературы Урала» очень полно и дифференцированно, но остаются вопросы, как это соотносено, в частности, с внутренними потребностями и интенциями развития как русской литературы в целом, так и русской словесности региона. Ответить на них возможно только при учете комплекса имперских культурных стратегий, направлявших литературу метрополии, и соответственно, вызывавших определенный ответ в местных национальных литературах – однако в академической истории, очевидно, подобная методология и ракурс видения оказались неуместными.

Наиболее, пожалуй, глубокой концептуальной проработке подвергся материал, демонстрирующий отношение русской литературы

центра и региональной русской словесности – то есть тот пласт, в котором во второй половине XIX в. начинают созреть интенции к формированию собственной идентичности, пусть и не подкрепленной пока единством литературного процесса. Одним полюсом здесь становится повышенный интерес к Уралу со стороны ученых, путешественников и писателей из столиц (насыщенный ряд от А.С. Пушкина и В.А. Жуковского до Л.Н. Толстого и А.П. Чехова), чьи травелоги, очерки, документальные публикации учтены и осмыслены с исключительной полнотой, этот поток захватывает и авторов региональных, осознающих интерес Урала для общероссийской аудитории. Создатели коллективного труда разворачивают широкую панораму проникновения уральской тематики в общероссийскую словесность, вершиной чего закономерно выступило детально проанализированное творчество Д.Н. Мамина-Сибиряка, глава о котором представляет собой самостоятельную большую монографию.

Вместе с тем не обходится вниманием и специфика того опыта, на который опираются региональные писатели в плане метода, жанровых предпочтений и поэтики. Очень тонко продумана редакторами и авторами конкретных разделов динамика романтизма и реализма при их проекции на местный материал, заостряющий документальное начало, стремящийся уловить природную и антропологическую конкретность и акцентирующий в первую очередь социальную проблемность. Это обогащает историко-литературный пласт труда мощным аспектом исторической поэтики.

«История литературы Урала», безусловно, – ценнейший и фундаментальный труд, представляющий собой первый постсоветский академический опыт создания комплексной истории литературы. Два первых его тома предлагают небеспроблемную, но чрезвычайно важную исследовательскую концепцию, в совокупности вполне достигающую своей цели – закрепить в современном культурном сознании России и региона представление об Урале и его литературе как самостоятельном конструкторе.

Литература

1. Киселев В.С. Проблемы конструирования региональной литературной истории // Имагология и компаративистика. 2014. № 1. С. 165–171.

2. История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / под ред. проф. Е.К. Созиной. М. : Издательский дом ЯСК, 2021. 1440 с.

3. Киселев В.С. Томск в русской литературе: проблемы и перспективы изучения // Имагология и компаративистика. 2017. № 2 (8). С. 36–61.

4. Пермские литературы в контексте финно-угорской культуры и русской словесности / науч. ред. Т.А. Снегирева, Е.К. Созина. Екатеринбург ; Ижевск ; Сыктывкар : Изд-во УМЦ УПИ, 2014. 556 с.

Regional Literary History as an Object and a Construct (Book Review: Sozina, E.K. (Ed.) (2021) *Istoriya Literatury Urala. XIX Vek: V 2 Kn.* [A History of Ural Literature. 19th Century: In 2 Books]. Moscow: Izdatelskiy Dom YaSK)

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 16, pp. 292–298. DOI: 10.17223/24099554/16/17

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Keywords: history of Russian literature, literature of peoples of Russian Federation, literature of Urals, regional literary process.

The article analyses the research conception of the new academic *A History of Ural Literature*. Attention is focused on the original methodological approaches to the construction of the 19th century literary history of the region: attitude to the general Russian literary process, modelling of historical and geographical dynamics, account of the multinationality and types of literary systems (folklore, medieval literature, literature of the new European type).

References

1. Kiselev, V.S. (2014) Problems of constructing regional literary history. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 165–171. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/1/11

2. Sozina, E.K. (ed.) (2021) *Istoriya literatury Urala. XIX vek: v 2 kn.* [A History of Ural Literature. 19th Century: In 2 Books]. Moscow: Izdatelskiy Dom YaSK.

3. Kiselev, V.S. (2017) Tomsk in Russian Literature: Problems and Prospects of Research. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2 (8). pp. 36–61. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/8/3

4. Snegireva, T.A. & Sozina, E.K. (eds) (2014) *Permskie literatury v kontekste finno-ugorskoy kul'tury i russkoy slovesnosti* [Perm Literatures in the Context of Finno-Ugric Culture and Russian Literature]. Yekaterinburg; Izhevsk; Syktvykar: Izd. UMTs UPI.